

Частный детектив
Татьяна Иванова

МАРИНА СЕРОВА

Жаркая
вечеринка

АСТ

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Жаркая вечеринка

«Научная книга»

2007

Серова М. С.

Жаркая вечеринка / М. С. Серова — «Научная книга»,
2007 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Трагически закончился вечер встреч школьных друзей – бывших одноклассников частного детектива Татьяны Ивановой. На дне бассейна в сауне, где веселилась компания, обнаружен труп одного из участников торжества – известного в городе бизнесмена и кандидата в депутаты городской Думы. В связи с этим арестован другой одноклассник Татьяны. По его просьбе знаменитая сыщица начинает расследование. Круг подозреваемых узок, и почти все они – друзья еще со школьной скамьи. Неужели убийца – кто-то из них?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Марина СЕРОВА

ЖАРКАЯ ВЕЧЕРИНКА

Глава 1

– Да, – ответила я с набитым ртом: телефонный звонок оторвал меня от тарелки с пельменями, приправленными уксусом и майонезом.

– Ты, что ль, Тань? – Я узнала звонкий голос своей бывшей одноклассницы – Кати Ериковой.

– Не ошиблась, Катюха, – весело сказала я, дожевывая пельмень.

С утра у меня было прекрасное настроение, которое объяснялось тем простым фактом, что сегодня был первый день весны. Конечно, нынче пошли такие зимы, что в разгар января удивить кого-либо каплей трудно, но совсем другое дело, когда эта самая капля совпадает с календарным листком, на котором красуется долгожданное «1 марта». От зимы его отделяет всего одна ночь, но утром кажется, что и капель приобретает особую отточенную звонкость, и птичий переполох за окном, став задиристей и оживленней, наполняет душу пронзительной радостью предвкушения первого робкого тепла.

– Как дела? – спросила Ерикова явно в качестве предисловия к разговору.

– Чудесно, весна на дворе. Ты, вообще, какими судьбами? Сто лет тебя не слышала!

– Да мы здесь собрались встретиться узким кругом, десять лет прошло после школы.

– Так ведь обычно это летом происходит.

– Ой, Тань, какая разница, – откликнулась Ерикова, – лето, зима... Десять лет-то прошло. Просто я вчера встретила Лидку Говоркову, она сейчас в земельном комитете работает. Ну, пообщались, вспомнили, что давно не виделись, решили встретиться. Я уже почти всех наших обзвонила, остался только Груша, он теперь большой человек. Слышала?

– Как тут не услышишь, шутка ли – кандидат в депутаты! – с легкой иронией ответила я.

Дело в том, что Артем Грушин, а попросту Груша, в школьные годы не отличался ни хорошим поведением, ни успеваемостью. На второй год он, конечно, не оставался, но троечником был хроническим. Но еще в доперестроечное время проявлял определенные коммерческие таланты: продавал привезенную папой из-за границы жвачку, менял с выгодой для себя фантики, марки и открытки.

В нынешнее время его коммерческая жилка стала для него золотой жилой. Всегда держа нос по ветру, он быстро сориентировался и, начав с коммерческой палатки, переключился на оптовую торговлю продовольствием. Теперь Артем Александрович благодаря собственной напористости, полезным знакомствам, связям и деньгам из рядового предпринимателя превратился, как сказала бы Катерина, в «большого человека».

– Да, Груша выбился в люди. А Беркут – помощник у Верещагина, ну, у того, который соперник Грушина, знаешь?

– Знаю, – зажав трубку между ухом и плечом, я начала убирать посуду. – Нас тут агитаторы замучили, ходят по квартирам день и ночь – подписи собирают.

– Значит, так, – подытожила Ерикова, – собираемся завтра в шесть в нашем классе. Придешь?

Честно говоря, идти никуда не хотелось, и, чтобы не затягивать разговор, я ответила:

– Обязательно приду, если не будет какого-нибудь срочного дела.

– Тогда – до завтра. Увидимся – поговорим.

Я только что завершила очередное расследование, которое отняло у меня целую неделю. Заказчик остался доволен, но сказывалось огромное физическое и моральное напряжение. Я

чувствовала себя не то чтобы разбитой, но нуждающейся хотя бы в кратковременном отдыхе. К тому же в любую минуту ко мне мог обратиться новый заказчик, и тогда мечтам об отдыхе придет конец.

Расследованиями я занималась по роду своей деятельности, имея на это соответствующую лицензию. Профессия сыщика – для тех, кто не знает, – сопряжена с большими нагрузками, риском, стрессами, опасными и щекотливыми ситуациями, выпутаться из которых помогает отличная физическая форма, ясная голова, знание психологии и постоянная готовность к действию.

В общем, я сразу же решила, что не пойду на это сборище. Я неплохо ко всем относилась, но мне было, по большому счету, наплевать, кто каких высот и положений достиг в этой жизни. Будь ты слесарь или президент, «главное – чтобы человек был хороший». Я усмехнулась про себя этой затертой житейской фразе, ставшей банальной поговоркой.

Кто вообще определяет степень «хорошести»? Для кого-то ты хорош, кому-то плох... Пусть даже все мои одноклассники будут все как на подбор достойными людьми, с которыми приятно общаться, дружить, обмениваться мнениями и наблюдениями, только я придерживаюсь другой мудрости, которая, несмотря на частое употребление, всегда поражала меня своей философской трезвостью: «Живое – о живом».

Десять лет – срок немалый для человеческой жизни, за это время можно жениться и развестись, нарожать кучу детей или сделать карьеру, можно стать порядочной дрянью или благочестивым монахом, можно просто умереть, в конце концов.

Кроме всего прочего, впечатлений от жизни мне хватало, авантюры и людского общения – тоже. А вот выкроить свободную минуту, чтобы просто растянуться на диване, закрыть глаза и, ни о чем не думая, почти ничего не чувствуя, погрузиться в тихое блаженство нирваны, – это удается мне нечасто.

Этими мыслями я развлекала себя, готовя кофе.

* * *

С языческой радостью я плюхнулась в теплую ванну и с удовольствием вытянулась в ней. Тело, став приятно легким, почти невесомым, казалось, существовало само по себе, уподобившись морской водоросли, с безвольной негой отдающейся приливам и отливам.

Утренние сны еще цеплялись за пряди волос, но их влажные тонкие пальцы заметно слабели и, соскальзывая в голубую воду, растворялись в ней подобно кристаллам ароматической соли.

Из состояния блаженства меня вывел звонок телефона. Промокнув ладонь махровым полотенцем, я взяла трубку.

– Могу я услышать Иванову?

Голос в трубке напоминал дребезжание сухой щебенки в бетономешалке.

– Я вас слушаю.

– Меня зовут Юрий Степанович Верещагин. Я звоню вам по просьбе вашего бывшего одноклассника Сергея Беркутова.

Легко на помине. Только Ерикова упомянула его имя, и вот...

– С ним что-то случилось?

– Можно и так сказать, но мне не хотелось бы обсуждать это по телефону.

– Все же постарайтесь обрисовать ситуацию хотя бы в двух словах, – я не собиралась тратить время попусту.

– Сергея подозревают в убийстве, и он хочет, чтобы вы помогли ему. Я, со своей стороны, присоединяюсь к его просьбе.

Голос стал несколько мягче, словно в бетономешалку плеснули воды.

– Хорошо, приезжайте.

– Может быть, лучше вы ко мне приедете? – хотя это и было произнесено в условном наклонении, чувствовалось, что Верещагин привык диктовать свою волю.

– Дело в том, что я не могу отлучиться из дома, – соврала я, потому что, во-первых, не хотелось прекращать приятные водные процедуры, а во-вторых, чтобы осадить ретивого кандидата.

– Что ж, тогда назовите мне адрес, – снизошел Верещагин.

Я объяснила ему, как до меня добраться, и положила трубку.

В запасе у меня был еще час, который при данных обстоятельствах казался мне если не вечностью, то уж столетием – точно. Я спокойно завершила омовение и, облачившись в махровый халат, пошла на кухню. Мой желудок в который раз напомнил о себе длинной урчащей просьбой.

Позавтракав, я привела себя в «боевую» готовность и уселась перед телевизором.

* * *

Ровно в десять квартиру огласил настойчивый звонок в дверь. Уже в прихожей я еще раз бросила беглый взгляд в зеркало: как-никак мой гость – важная птица!

По привычке посмотрев в «глазок», я открыла дверь и посторонилась, пропуская Верещагина.

– Доброе утро, проходите.

Он выглядел уставшим и озабоченным, менее презентабельным и уверенным, чем на многочисленных рекламных плакатах, которыми был оклеен весь район. «Конечно, – подумала я, – так и должно быть: растиражированный образ претендента или народного избранника на цветной лощеной бумаге парадных портретов часто не соответствует обыденной конкретике его лица и жизненной правде его содержания».

Повесив пальто на вешалку, Верещагин, едва взглянув на меня, прошел в прихожую и, прежде чем я успела предложить ему присесть, с деловой бесцеремонностью уселся в кресло, закинув ногу на ногу, вольготно откинувшись на спинку.

– Как я уже сказал, моего помощника подозревают в убийстве, – начал он с места в карьер, вынимая из кармана пиджака пачку «Мальборо».

Я пододвинула ему пепельницу и устроилась в кресле напротив.

– Давайте начнем с самого начала, Юрий Степанович, кажется?

Верещагин наконец поднял на меня свои карие глаза, от которых к щекам пролегли довольно глубокие морщины.

– С самого начала... – он выпятил губы и нахмурился, – начиналось-то все неплохо. Моя знакомая, кстати, ваша одноклассница – Говоркова, пригласила меня в кафе, где они с друзьями отмечали десятилетие окончания школы.

– Значит, они решили отправиться в кафе, – произнесла я.

– Что? – не понял Верещагин.

– Меня тоже приглашали на эту встречу, – объяснила я, – но мне, к сожалению, не удалось пойти, я – очень занятой человек, – ответила я на вопросительный взгляд Юрия Степановича.

– Так вот, – продолжил он, – проведя полвечера в кафе, вся компания отправилась в сауну. Все было в порядке до того момента, пока Беркутов не поднял шум. Я в это время сидел в парной с этим... слесарем...

– Наверное, Гришей Ступиным, – подсказала я, представив себе, как чопорный Юрий Степанович восседает в тесном помещении парилки с безалаберно-смешливым Гришей. Если и было у них что общее, так это носы: мясистые, крупные, такие породистые носы. Да и вообще, подумала я, баня – это некое утопическое государство, где в принципе все равны. Сняв свои

тряпки и регалии, богачи становятся практически неотличимы от простого народа, хотя некоторые и тут не могут расстаться со своими трехкилограммовыми цепями и крестами.

– Вот-вот, со Ступиным, – подтвердил Юрий Степанович, – он выскочил первым, а я еще остался на некоторое время, но потом решил тоже посмотреть, что за шум. На бортике большого бассейна Ступин с Сергеем делали кому-то искусственное дыхание. Когда я подошел ближе, то увидел, что это был Грушин.

– Груша? – я открыла рот, пытаясь представить себе эту картину. – Он что, утонул?

– Вначале мы тоже так подумали, – опять нахмурил брови Верещагин, – но когда приехала милиция – кто-то из obsługi вызвал, – Беркутова арестовали, а с остальных взяли подписку о невыезде. Вот, собственно, и все. – Верещагин затушил окуроч, ослабил узел галстука и, достав платок, высморкался.

– Почему же арестовали Беркутова? – спросила я.

– Во-первых, это он обнаружил труп Грушина, а во-вторых, милиция установила, что на шее Грушина имеется свежая царапина, которую мог бы оставить браслет от часов или что-то вроде этого, а Сергей даже в баню ходил в часах, у него они водонепроницаемые. Он посоветовал мне обратиться к вам. Представляете, что будет, если моего помощника обвинят в убийстве?

– Значит, вы больше переживаете за свою предвыборную кампанию, чем за судьбу Беркутова? – Я вперила в него свой взгляд.

– Для меня сейчас важно и то и другое, так что не ловите меня на слове, я сказал так для того, чтобы вы поняли, насколько это серьезно.

Я усмехнулась. «Тебя принимают за недотепу, Таня», – сказала я себе.

– Довольно часто люди ставят свою репутацию выше всего, – сказала я вслух, – даже выше судьбы отдельного человека, и если вы принадлежите к их числу, то лучше нам сразу это выяснить.

– Ну что вы, Татьяна Александровна, – мне показалось, что он чуточку смутился, хотя я могла и ошибиться, – я готов для Сергея пожертвовать многим. Помощника, как он, не так просто найти, тем более в преддверии такого ответственного периода.

– Ну хорошо, судьба Сергея, как моего бывшего одноклассника, мне тоже не безразлична, поэтому давайте попробуем ему помочь.

– Я готов. Только вот чем я могу быть полезен?

– Сейчас я буду задавать вам вопросы, а вы постарайтесь отвечать на них как можно правдивее, договорились?

– Само собой. Сигарету? – проявил наконец галантность Верещагин.

– Спасибо, не откажусь, – любезно отозвалась я, протягивая руку, – перечислите всех, кто был в сауне.

– Ну, как я вам уже сказал, меня пригласила Говоркова Лида, потом там был этот... ах да, Ступин, – вспомнил фамилию своего товарища по парной Верещагин, – сам Грушин, Беркутов, его бывшая жена – Купцова, после развода она взяла девичью фамилию... так, потом, подруга Лиды – не то Люжина, не то Лужина, или Лужнина, не помню точно, некий Шубин – как мне объяснила потом Лида, он учился в параллельном классе, – и-и-и, – замялся Верещагин, – какая-то Катерина, этакая заводила.

– Ерикова, – уточнила я.

– Не знаю, может быть. А с ней был... постойте... ах да, кажется, его зовут Анатолий.

– Кроме вас, я имею в виду вашу компанию, кто-то был еще в сауне? – Сделав очередную затяжку, я выпустила колечко дыма, которое, живописно колеблясь, дрожа и ломаясь на глазах, поплыло к окну.

– Нет, никого больше не было. – Верещагин помотал головой.

– А чья это вообще была идея – пойти в баню?

- Предложил Анатолий.
- Друг Ериковой?
- Да, его пригласила эта самая Катерина.
- А теперь, Юрий Степанович, я попрошу вас вспомнить, кто чем занимался, начиная с вашего прихода в сауну и до того момента, когда Сергей, увидев Грушина, позвал на помощь.
- Боюсь, что это будет довольно сложно, – Верещагин глубоко затынулся, выпустив дым через ноздри, – сами понимаете...
- Что, малость перебрали? – сочувственно спросила я.
- Не без этого, конечно, но вчера была пятница, и я позволил себе немного расслабиться.
- Тем не менее попытайтесь вспомнить. Начните с того, где находится сауна, как вы добрались туда?
- Это частная баня, на Татарской. В мою «Волгу» сели мы с Лидой и Сергей со своей подругой Лужиной, в грушинский джип – он с Купцовой и Анатолий с Катериной, Ступин с Шубиным добрались на такси.
- Приехали все одновременно?
- Практически да. Зашли, разделись, водители принесли пиво, мы прихватили его в кафе, дамам, как полагается, – шампанское, потом пошли в сауну.
- Юрий Степанович, простите, как все были одеты, я имею в виду купальные костюмы?
- Да какие там купальные костюмы! В комнате отдыха все сидели в простынях, парных там две, поэтому особых проблем это тоже не вызвало, и потом всем было на это немножко наплевать, к тому же у дам было нижнее белье, – Верещагин неловко улыбнулся, – неужели вам нужны такие подробности?
- Кто знает, любая мелочь может иметь значение. Поверьте, я спрашиваю вас об этом не просто из женского любопытства.
- Я понимаю.
- Тогда продолжим. Вы сказали, что услышали крик Беркутова, когда были в парной вместе со Ступиным, так?
- Так.
- Там что, двери неплотно пригнаны?
- Да нет, хорошо пригнаны.
- Тогда как вы слышали Беркутова через толстые двери сауны?
- Он был почти у самой двери и кричал, наверное, громко. Да вы у Ступина можете спросить.
- А почему вы не пошли вместе со Ступиным, а остались в парной?
- Да просто мне... – Верещагин замялся, – как бы вам это объяснить?
- Вы уж попытайтесь как-нибудь.
- Ну, не могу же я, как мальчишка, бегать по любому поводу.
- Но через некоторое время вы все-таки отправились посмотреть, что случилось.
- Да, любопытство взяло верх в конце концов. – Мне показалось, что Юрий Степанович слегка покраснел.
- Сколько времени вы провели в парной после того, как оттуда вышел Ступин?
- Я думаю, около минуты, – он потянулся за очередной сигаретой, – максимум две.
- Когда вы вышли из парной, вы сразу пошли к бассейну?
- Нет, не сразу, я не знал, куда идти. Сначала я огляделся в предбаннике, открыл дверь в комнату отдыха – там никого не было – и уже потом направился в бассейн. Что я увидел там, вы уже знаете.
- Вы ни с кем не столкнулись в коридоре?
- Нет. Когда я пришел в бассейн, все уже были там.

– Юрий Степанович, а не могли бы вы сказать, как долго вы находились в сауне и кто с вами там еще парился?

– Минут десять. Когда я заходил в парилку, оттуда вышли Грушин и Сергей. Мы остались вдвоем: я и Ступин.

– В парилку больше никто не заходил?

– Нет, – Верещагин тяжело вздохнул.

– А до того, как вы вошли в парилку, где вы были?

– В комнате отдыха. Насколько я помню, почти все были там: пили, ели, разговаривали. Грушин, естественно, уже под «газом», переругивался с этим... Анатолием, кажется, что-то требовал от него, потом предложил ему выйти.

– И что же, они вышли? – Я вся обратилась в слух. Эта история все больше и больше захватывала меня. Ситуация, когда убийство совершается в замкнутом пространстве, где собирается определенное количество людей, всегда вызывала у меня профессиональный интерес, несмотря на то, что в детективной литературе не раз описывалась и потому стала уже классической.

– После долгих пререканий. Вскоре вышел также и Сергей. Сказал, что хочет попариться.

– А женщины?

– Помню, что эта заводная Катерина куда-то тоже выходила, а другие вроде все были в комнате.

– А потом? – Я не сводила глаз с лица Юрия Степановича.

– Потом я вышел. Приспичило, простите, – Верещагин как-то вымученно улыбнулся.

– Куда вы направились после туалета? – продолжала я, невзирая на его смущение.

– После?... Ах да, в парную.

– Где как раз и увидели выходящих Грушина и Беркутова?

– Ну да.

– Значит, из туалета вы пошли сразу в сауну? Кого-нибудь встретили по дороге?

– Кто-то, кажется, был в душе – вода шумела, слышался женский смех, но я не обратил внимания.

– Вам не кажется, что довольно странная компания подобралась на вечеринке в сауне?

– Что вы имеете в виду?

– Насколько я знаю, Купцова с Беркутовым были мужем и женой, потом развелись, вы и Грушин – оба кандидаты, а стало быть – соперники, Ступин – слесарь. Довольно разномастная публика, вы не находите?

Верещагин пожал плечами, его усталое и помятое лицо тронула слабая улыбка.

– Лида меня не предупредила, что там будет за народ. Я так понял, что и остальные не все учились вместе с вами?

– Правильно, из нашего класса только Грушин, Ступин, Беркутов, Говоркова и Ерикова, а Шубин – из параллельного, тоже заводной был парень. Остальные, выходит, так же, как и вы, приглашенные, – я закурила и некоторое время сидела молча, воскрешая в памяти школьные годы, лица друзей и учителей.

Кто бы мог подумать, что мне придется вспоминать о своей ранней юности по такому печальному поводу.

– Татьяна Александровна... – прервал мои воспоминания Верещагин, – а вам не кажется, что Грушина мог убить человек, который заранее знал об этой встрече?

– Возможно. Но возможно также, что кто-то просто использовал подвернувшийся случай, чтобы свести с Грушиным счеты. Юрий Степанович, вы не помните, у кого еще, кроме Беркутова, были на руках часы или браслеты?

– Подождите, по-моему, у Анатолия, он еще время смотрел, а у кого еще – сказать затрудняюсь. А вы считаете, что у убийцы на руке были часы?

– А откуда же у Грушина на шее появилась царапина? – задала я встречный вопрос. Верещагин пожал плечами и закашлялся.

– Вы говорили, что у Беркутова был браслет. Это и послужило поводом для его задержания?

– Не только это. Когда приехала милиция, Купцова сказала им, что слышала, как Грушин и Беркутов выясняли отношения на повышенных тонах, а самое главное, что он его обнаружил. И хотя это не является прямым доказательством вины Беркутова, милиция почему-то на этом факте заострила внимание.

– А вы сами считаете, что Беркутов не мог убить Грушина?

– Во всяком случае, я не вижу для этого никаких причин.

– Вам ничего не известно о том, почему Беркутов развелся с Купцовой?

– Сергея я знаю уже несколько лет, мы с ним вместе работаем, поэтому я кое-что знаю о его личной жизни. Ольга стала ему изменять, поэтому он подал на развод. Они разменяли квартиру и уже года два живут каждый своей жизнью. Так что я не считаю, что ревность могла послужить причиной убийства, тем более что и Купцова, и Беркутов после развода сменили не одного партнера.

– Что ж, – я загасила сигарету, – пока у меня вопросов больше нет. Оставьте мне, пожалуйста, ваши координаты, я с вами свяжусь.

Глава 2

Сборы были недолгими. Поверх джемпера я надела наплечную кобуру, изготовленную по спецзаказу, сунула в нее пистолет Макарова, без которого выходила из дома в очень редких случаях, сверху нацепила «харлейку» со множеством карманов, в которых удобно размещались сыщицкие приамбасы: игла с сонным ядом, кастет, леска-удавка и газовый баллончик.

Тщательно заперев за собой стальную дверь с призматическим «глазком», который я установила после того, как через обычный линзовый «глазок» меня пытались застрелить, я сбежала по лестнице и села в машину.

Пока прогревался двигатель, я достала сотовый и набрала номер Ериковой в надежде, что в субботу она окажется дома, и не ошиблась.

– Привет, Катерина.

– Танька, ой, что я тебе расскажу, ты не пришла, а там такое было...

– погоди тараторить, – тормознула я ее, – давай лучше я подъеду.

– Конечно, приезжай, столько новостей! Есть о чем поговорить.

– Ладно, жди.

Пристроив «девятку» возле Каткиного дома, я поднялась на пятый этаж и позвонила. Дверь сразу же открылась, как будто Катка караулила в прихожей.

Худенькая, бойкая, остроглазая, вечно улыбающаяся Катка с неожиданной для меня импульсивностью заключила меня в объятия.

– Сколько лет, сколько зим! – закричала она прямо мне в ухо.

Я слегка отстранилась от нее и тут же упрекнула себя за это осторожное движение: такая неподдельная радость была написана на ее немного бледном лице.

Но через минуту веселое выражение ее лица уступило место лихорадочному беспокойству.

– Ой, Тань, ты бы знала, что случилось! – Едва дав мне снять куртку, она буквально затащила меня в гостиную.

«Сколько силы таится в таком сублильном теле!» – подивилась я с добродушной усмешкой.

– Садись, Тань. Ой, да ты совсем не изменилась с тех пор, как мы с тобой случайно встретились тогда на рынке, помнишь?

– Ты тоже, Кать, – ответила я комплиментом на комплимент, хотя, приглядевшись, заметила у ее глаз первые тонкие морщинки. «Наверное, из-за мимики, – подумала я, – уж больно Катка много смеется и улыбается».

Все-то нам трубят, что ничто так не красит женщин, как улыбка. Красит-то она красит, только вот со временем ох как щедро награждает «гусиными лапками»!

– Грушин-то... – начала она.

– Я знаю, – перебила я Катку, пытаясь как ножом отсечь ее излишнюю эмоциональность.

– Откуда?! – удивилась она и как будто даже обиделась, ведь своей лаконичной фразой я лишила ее возможности первой поведать мне об этом.

– От верблюда! – поддела я ее, но чтобы немного утешить, добавила: – Твоя информация мне тоже необходима.

– Ой, ты что, взялась за это дело?! – выпучила она глаза. Казалось, смерть Грушина отошла на второй план.

– Взялась, – холодно ответила я, – только не надо из этого делать светопреставление, жизнь продолжается, надо же кому-то заниматься поиском преступников.

– Ах, как интересно! – не унималась Ерикова, – может, на кухню пойдем, кофе выпьем?

– Было бы неплохо.

Опустившись на узенький кухонный диванчик, я наблюдала за мельтешением Катки и, слушая ее неугомонный треп, отделяла зерна от плевел.

– ...милиция понаехала, а мы там все полуголые, представляешь? – Она хихикнула. – А этому-то, как его там, Верещагину теперь какво? Огласки-то не избежать! А то такой важный, напыщенный, как индюк. Ты бы видела его перед тем, как он «заложил за воротник»! А Лидка-то все под него подстраивалась, угодить старалась. С нами гордая такая стала, а сама-то задницу этому Верещагину лижет! Фу, противно! Нет, а фамилия-то: Вере... ну, короче, тот, кто верещит. Только он не верещит, а щеки надувает, а может, и верещит – в постели-то, мы этого знать не можем, а вот Говоркова... ха-ха!

– Катя, – попробовала я ее остановить, – когда Беркутов позвал на помощь, ты где была?

Она непонимающе посмотрела на меня. В ее карих глазах появился какой-то детский укор – точно взрослые лишили ребенка сладкого.

– Ну, в массажке сначала была, потом, ой, подожди, чего-то я не помню... Ах да, ты про Беркутова спрашивала? – В ее глазах опять запрыгали озорные искорки. – Нет, ты представляешь, он все время из-за чего-то цапался с Грушей, царствие ему небесное, – она торопливо перекрестилась, – а Купцова эта, ну ты знаешь, Сережкина бывшая, выпендривалась да глазки Шубину строила.

– Они что, знают друг друга? – успела вставить я.

– Кто? Купцова с Шубиным? Откуда? Первый раз увиделись, но еще в кафе начали перемигиваться. Вместе в душ ходили, представляешь? Может, конечно, и не было ничего, врать не буду, но все равно, правильно Беркутов послал ее ко всем чертям. Приехала с одним, глазки строит другому, а Крокодила Гену ты знаешь, – вспомнила она школьную кличку Генки Шубина, – ему палец в рот не клади. Он и не растерялся, а что? Мой Толька как посмотрел на эту крысу, ну, на Купцову, так сразу и сказал: пробы ставить негде. Зато видела бы ты, как она вырядилась: и сапоги-то у нее от Пазолини, и костюмчик-то у нее от Зандера, и сумочка-то у нее от Гуччи, и вдобавок трусы от Вондербра, зато бюстгальтер она не носит – хвалится своими сиськами...

– Кать, погоди, а кто такой этот твой Толька?

– Толька-то? Да я у него работаю, на продовольственной базе. Он – директор, а я – бухгалтер. Такая история была... Упасть не встать! Нет, представляешь, мы с девчонками в прошлом году решили на Восьмое марта в кафе пойти, ну, в «Жемчужину», знаешь? Так вот, заказали то да се, сидим, он входит... пальто – нараспашку, сразу видно – душа-человек, в теле мужик, волосы кудрявые. Если бы я стояла, точно бы грохнулась... Он меня сам заметил, к нам подсел, шампанское самое лучшее заказал, а тут у него сотовый запиликал, мы с девчонками переглянулись: вот это парень! А он телефончик вырубил и говорит: «Сегодня меня ни для кого, кроме вас, нет!» Вот так! Он узнал, что я бухгалтер, позвал к себе на базу. С тех пор и кружусь с ним, ты не подумай, он любит меня... – Катька закатила глаза к потолку для пущей убедительности.

– Как фамилия-то Толи твоего?

– Абрамов, ты знаешь...

– Знаю, – я добродушно улыбнулась, – ты была с Толей, когда Беркутов закричал?

– Закричал? А? Да, то есть нет. Господи, где же я была-то? Шампанское память отшибает напрочь...

– Ну ты сама-то где была, помнишь?

– Погоди, конечно, помню, только не очень хорошо...

Я знала безалаберную Катку еще со школы, поэтому удивилась, что она работает бухгалтером, но она еще тогда говорила мне, что в работе – совершенно другой человек. Очень интересно! Но сейчас, как я ни старалась, вытрясти из Катки что-нибудь путное мне никак не удавалось.

- Ты хоть помнишь, что твой Анатолий выяснял отношения с Грушей?
- Ты знаешь?
- Ты что, лапшу мне на уши вешаешь? Прикидываешься дурочкой, мать твою, – грубо одернула я эту балаболку (иногда это помогает, сработало и на этот раз).– Значит, это ты помнишь, а где была, не помнишь?
- Ладно тебе, Тань, – сбавила она обороты, – я просто не хочу Толику навредить...
- А если твой Толик – убийца? А может, и ты с ним заодно, а?
- Да ты что, Тань? – она испуганно заморгала ресницами.
- Ничего. Говори, из-за чего они отношения выясняли?!
- Толик взял у Грушина сахар на реализацию, а тот требовал с него деньги.
- Много?
- Что много? – туповато переспросила Катерина.
- Катя! – Я строго посмотрела на нее.
- Двадцать тонн.
- По нынешним временам это около двухсот тысяч?
- Немного меньше, сто восемьдесят. Да что тебе Толик-то дался? Лидка вон у Грушина десять штук баксов взяла на квартиру полгода назад, ремонт там сделала, скоро переезжать будет. А должок теперь с нее спишется, что ли?
- Почему Абрамов не отдавал Грушину деньги? – поинтересовалась я, пропустив мимо ушей замечание по поводу Говорковой.
- Так ведь не продали еще.
- И Грушин этого не знал? – Я в упор посмотрела на присмирившую Катку.
- Как тебе сказать... – замялась она.
- Говори как есть, для тебя же будет лучше, – я видела, что Катка соврала мне, когда сказала, что сахар не продан.
- Ну, не весь еще продали...
- А может, продали и решили денежки покрутить? – прищурилась я.
- Ну что ты, Тань, – Катка обиженно надула губы.
- Так зачем же ты своего Толика поволокла туда, где будет Грушин?
- Да как-то не подумала. – Наклонив голову, Катка пожала плечами.
- Памятуя о Каткином легкомыслии, в это поверить было нетрудно.
- Ладно, а теперь попробуй-ка вспомнить все с самого начала: как в сауну приехали, где кто был и чем занимался, – я ободряюще посмотрела на Ерикову.
- Ну, в кафе посидели, а потом, когда все уже дате были, решили в сауну поехать...
- Это твой Толя предложил?
- Ты и это знаешь? Откуда? – опять как-то обиженно прогнусавила Ерикова.
- Профессия у меня такая, – усмехнулась я. – Мне многое известно, так что лучше не ври и не выкручивайся, а то ведь я могу заподозрить что-то неладное.
- Да мы в этой сауне с Толиком не раз были. Там, надо сказать, неплохо, и Толик там – дорогой гость, – в глазах Катки блеснула гордость. – Он и предложил всем туда двинуть, а что здесь плохого?
- Ничего, просто я должна знать все обстоятельства, понимаешь? Предположим, вошли вы в эту проклятую сауну, что было дальше?
- И Катерина в своей путано-вязкой манере, постоянно спотыкаясь и возвращаясь к сказанному, отдавая дань бабскому красноречию, рассказала мне, что было дальше.
- Облачившись в простыни, компания в полном составе сразу же заполнила обе сауны. Потом одни пошли в бассейн, другие – в душ, и в конце концов все собрались в комнате отдыха, чтобы продолжить возлияния. Порядок того, что происходило после, память Катерины воспроизвести отказывалась. А тут еще и утопленник – было от чего потерять голову!

Под конец Ерикова все-таки вспомнила, что, когда Беркутов стал звать на помощь, она была в массажной, но что она там делала и как туда попала, как ни билась, вспомнить не могла. Зато память Ериковой оказалась более цепкой, когда речь зашла о совместном посещении душа Шубиным и Купцовой. Это смешное обстоятельство навело меня на мысль, что людям больше свойственно следить за поступками других, а не за своими собственными.

Память Ериковой проявила прямо-таки дьявольскую изощренность, когда я спросила мою одноклассницу, кто стоял рядом с трупом в тот момент, когда она подошла. По ее словам выходило, что Беркутов со Ступиным как раз в этот момент вытаскивали тело на бортик, почти следом подошел Абрамов, затем подтянулись Шубин, Купцова, Говоркова и Лужина, последним подошел Верецагин. Что ж, это уже кое-что.

Я оставила Ерикову в состоянии легкого транса, вытряхнув из нее, пожалуй, все, что она могла хранить в своей черепушке. Среди самого разнообразного хлама там были и стоящие вещи. Например, информация о долге Говорковой Грушину.

* * *

Одно из бесспорных достоинств человека, а тем более частного детектива, – умение использовать время по максимуму. Для того чтобы лучше представить себе обстановку сауновских «посиделок», сразу после визита к Ериковой я решила поехать на Татарскую.

Рассказ Катерины был довольно эмоциональным и потому сумбурным. Мне он представлялся чем-то вроде облака с размытыми очертаниями. Оказавшись на месте событий, я наверняка смогла бы придать этому довольно эфемерному, в моем представлении, объекту более ясные и строгие контуры.

Возле сауны на Татарской было пусто. Холодный сильный ветер пробирал до костей, рвал волосы, бил наотмашь по лицу. Я нажала на красную кнопку звонка и ждала не меньше минуты, прежде чем дверь открылась.

– Чего надо? – грубо спросил грузный парень с заспанным лицом и всклокоченными волосами.

– Пожарная инспекция. Мне нужно осмотреть помещение, – резко сказала я, сунув ему под нос красные корки удостоверения и бесцеремонно проталкиваясь внутрь. Я порядочно задубела и вовсе не склонна была разводить антимонии.

Парень оторопел и отпрянул, пропуская меня в помещение. Он стоял, недоуменно почесывая затылок.

– Начальства нет, – как-то испуганно промямлил он, вынимая руку из колтуна волос.

– Неважно, я только проверю дымоходы, – не дожидаясь особого разрешения, я двинулась по коридору, – где у вас сауна?

– Прямо, через комнату отдыха и – налево.

Парень закрыл дверь и невесело поплелся за мной.

В коридоре было отвратительное освещение, пахло сыростью и вениками.

Миновав комнату отдыха, я оказалась в предбаннике и остановилась перед двумя дверями, обитыми деревянными рейками.

– Парные здесь? – строгим голосом спросила я парня.

– Угу, – промычал он.

– А эти двери куда ведут?

– Здесь бассейн, – указал он на стеклянную дверь, – а там душ.

Я заглянула в парные, втягивая ноздрями сухой горячий воздух. Неплохо было бы здесь засесть на некоторое время – я уже начала согреваться, но легкий озноб все еще бродил по телу. Испутив вздох сожаления, я открыла стеклянную дверь и ступила на кафельную плитку. В тускло освещенном помещении бассейна мои шаги отдавались четким эхом.

– Иди погуляй пока, – я обернулась к патлатому, – если понадобится, я тебя позову. Как тебя кличут-то?

– Колей, – вяло отозвался мой сопровождающий.

– Иди, Коля, отдыхай, я скоро.

Коля снова почесал затылок и, пробубнив что-то нечленораздельное, флегматично поплелся назад.

Пройдя вдоль бассейна, в котором едва шевелилась зеленовато-голубая вода, я свернула направо, огибая заднюю стену сауны, и оказалась перед белой узкой дверью с надписью «массажная». Направо шли туалетные и душевые кабинки. Оставив их позади, я остановилась у комнаты отдыха.

Интересная планировка: никаких тупиков и из любого помещения можно пройти куда угодно. Спаренная сауна являлась центром, вокруг которого располагались бассейн, массажная, туалет, душ, комната отдыха и две сообщающиеся с ней раздевалки.

Убийца мог попасть в бассейн откуда угодно: из любой раздевалки, из парных, из комнаты отдыха, а также из туалета и душевой. Ситуация, как в романе Агаты Кристи, – убийство в замкнутом пространстве. Я не могла наблюдать за участниками вечеринки ни до, ни после трагедии, и временной ориентир – крик Беркутова, – от которого можно было бы протянуть нить расследования, был довольно зыбок. Дело в том, что установить точное время, когда Беркутов увидел мертвого Грушина, было практически невозможно. Можно было лишь с разной долей вероятности делать предположения о местонахождении в этот момент каждого из участников вечеринки.

Конечно, можно опросить всех по отдельности, но я сомневалась, что смогу по их рассказам воссоздать четкую временную картину.

Сколько прошло времени с момента смерти Грушина до того, как Беркутов обнаружил труп и поднял тревогу?

Убийца мог выследить Грушина, утопить его и, оставшись незамеченным, оказаться где угодно.

Я присела на широкий кожаный диван в комнате отдыха, пытаюсь собраться с мыслями.

У кого есть надежное алиби? У Ступина с Верещагиным есть. При условии, что они не сговорились. Хотя какие могут быть общие дела у слесаря с кандидатом в депутаты? Можно, конечно, сделать предположение, что Верещагин подкупил Ступина, чтобы тот подтвердил, что они были вместе, но чем-то мне эта версия не нравилась.

У других вообще нет никакого алиби, но у многих скорее всего нет и явного мотива. Да, задачка не из простых!

Говоркова. Мотив как будто имеется, но могла ли она сделать это чисто физически? Женщине, если она не владеет специальными приемами, справиться с мужчиной довольно сложно. К тому же у Лидки была надежда, что ее состоятельный покровитель поможет ей.

Беркутов. Мог ли он убить? В школе он не выделялся никакими особыми талантами, учился ровно, но в отличники не стремился. Не был ни добрым, ни злым. Для того же, чтобы утопить человека, нужно основательно на него разозлиться.

А если принять во внимание его развод с Купцовой и то обстоятельство, что в последнее время Ольга жила с Грушиным?

Но ведь со времени развода прошло уже два года, и если бы Беркутов хотел отомстить, то, наверное, сделал бы это раньше. Или он все это время копил обиду и, воспользовавшись предоставившимся случаем, в лице Грушина отомстил сразу всем своим обидчикам? Судя по школьным годам, он не был злопамятным, но люди со временем меняются, а десять лет – срок немалый.

Закурив, я поднялась с упругого дивана и направилась к выходу.

Откуда ни возьмись появился Коля и с упреком посмотрел на дымящуюся сигарету в моей руке.

– Проверяла тягу, – объяснила я ему, – все в порядке.

Он услужливо распахнул передо мной дверь.

– Акт проверки получите по почте, – сухо сказала я и спустилась с крыльца.

* * *

Я сидела за рулем «девятки» и смотрела на проносящиеся мимо корявые стволы обнаженных деревьев, серые фасады домов, грязные сугробы, наподобие китайской стены отделяющие тротуар от дороги, и строила предположения, как встретит меня Купцова. Въехав во двор, заваленный снегом, я с трудом нашла где приткнуться.

Лифт поднял меня на четвертый этаж.

– Кто там? – раздался из-за двери недовольный, заспанный голос.

– Иванова Татьяна, я училась вместе с Грушиным.

Щелкнул замок, и дверь открылась. На пороге я увидела стройную блондинку в коротком атласном халате. Ее большие, слегка асимметричные глаза уставились на меня с немым вопросом.

– Мне нужно с вами поговорить, – как можно любезней произнесла я.

– Это срочно?

– Да, и, мне кажется, это в ваших интересах.

– Вот как? – вскинула она прихотливо изломанные брови.

– Я расследую обстоятельства смерти вашего... э-э... Грушина Артема.

– Проходите, – устало сказала она и посторонилась, пропуская меня.

Пристроив куртку на вешалке, я прошла в просторную гостиную, выдержанную в бежево-абрикосовой гамме. Ничего лишнего: комплект мягкой мебели, книжные полки, дорогая аппаратура, журнальный столик со стеклянной поверхностью, в углу – небольшая тумбочка, на которой стоял симпатичный грибок настольной лампы, на окнах – светлые жалюзи. Пол застелен ковром, около подоконника в двух кадках сверкали упругими глянцевыми листьями фикусы.

– Садитесь, – Купцова указала на большой диван с плавно изогнутой спинкой. – Хотите выпить?

– Нет, спасибо, я за рулем, – ответила я, занимая предложенное место.

– А я выпью, – безразлично сказала она.

Она подошла к бару, плеснула в рюмку коньяка и, заправив за уши светлые выбившиеся пряди, села в кресло напротив меня. Я заметила, что руки ее дрожат.

– Вы что же, частный детектив? – спросила она как-то равнодушно.

– Вроде того.

– Так что же вы хотите узнать?

Она говорила медленно и спокойно, такая манера речи меня устраивала.

– Ольга... могу я вас так называть?

– Ну конечно, – согласилась она, сделав маленький глоток.

– Вы действительно думаете, что Грушину помог утонуть Беркутов?

Она неопределенно пожала плечами.

– Так решила милиция.

– Но вы ведь способствовали этому?

В ее глазах сверкнули недобрые огоньки.

– Я только сказала правду.

– Не могли бы вы повторить то, что сказали милиции?

Она беспокойно заерзала и, отведя взгляд в сторону окна, вдруг резко перевела его на меня. В нем было столько высокомерного недовольства и откровенной неприязни! Я подумала, что она не раз уже использовала этот отрепетированный прием, когда ей требовалось кого-то одернуть или осадить. Сделать вид, что я испугалась? Наверное, не стоит.

Я терпеливо ожидала ответа на свой вопрос. Наконец после кислой ухмылки Купцова выдавила из себя:

– Я сказала, что слышала, как Сергей с Артемом разговаривали на повышенных тонах и Сергей угрожал Грушину.

– А вы не знаете, о чем конкретно был разговор?

– Нет, не знаю, – отстраненно ответила она. Ее взгляд опять стал вялым и апатичным.

– Вы считаете Сергея способным на убийство?

– Не думайте, что если вы учились с ним в школе, то все о нем знаете, – снова оживилась Ольга, – да и те, кто с ним работает, представляют его таким херувимчиком, не способным на дурной поступок, а я пожила с ним и знаю, чего от него можно ожидать. Он ревновал меня к каждому фонарному столбу, сцены закатывал, за нож хватался...

Ее синие глаза сузились от злобы, а лицо передернулось гримасой отвращения.

Довольно экспансивная дамочка! Кто бы мог подумать!

– А вы повода для ревности ему не давали? – невозмутимо спросила я ее, не отступая под ее недобрым взглядом.

– Повода? Да повод всегда можно найти при желании, тем более если мозги не в ту сторону повернуты!

Она явно пыталась уйти от ответа.

– Скажите прямо, вы изменяли Беркутову? – Я вперила в нее холодный взгляд и почувствовала, как напряглись мышцы на ее лице.

– Он сам в этом виноват, придурок! – эти слова, полные ненависти и обиды, вылетели из нее, как пробка из бутылки шампанского. – Он же своим занудством каменную скалу мог из себя вывести: твердил постоянно одно и то же, в чем-то вечно меня подозревал, звонил мне на работу по сто раз на день, разве что детектива не нанимал, чтобы следить за мной. Не захочешь – изменишь!

– И вы в конце концов не выдержали? – Я подыграла ей, придав своему голосу сочувствие и мягкость.

Ее взгляд стал не таким неприязненным, синие льдинки в ее глазах растаяли, на губах появилась горькая усмешка.

– Представьте себе. – Она со вздохом поднялась, чтобы налить себе еще коньяку.

В этот раз она не тянула с выпивкой, а одним махом опрокинула содержимое рюмки себе в желудок.

– Я изменяла ему не ради удовольствия, хотя, не скрою: мне приятно ловить на себе заинтересованные взгляды мужчин. Не чужд мне и легкий флирт, – Ольга хитровато улыбнулась, – я надеюсь, вы меня понимаете.

Легкая асимметрия глаз придавала ее улыбке дополнительный шарм. Я молча кивнула.

– Может быть, выпьете кофе? – Она заметно потеплела, не то согретая коньяком, не то ободренная моей поддержкой.

– Я бы выпила соку или чаю.

Она неторопливой походкой, плавно покачивая бедрами, вышла на кухню и вскоре появилась с подносом, на котором стояла резная металлическая ваза с фруктами и стеклянный кувшин с апельсиновым соком.

Выпив полстакана сока, я достала пачку «Кэмела» и вопросительно посмотрела на Купцова.

– Дайте и мне сигаретку, я вообще-то бросила, но такое дело...

Мы закурили. Ольга поставила на столик пепельницу и с удовольствием затянулась, выпуская дым через тонкие ноздри.

Я обратила внимание на портрет, висевший на стене напротив меня. На нем широко улыбался мужчина в годах, с большими залысинами, мясистым носом и прищуренными глазками, глядящими из-под седых бровей.

– Это ваш родственник?

– Это Рон Хаббард, – усмехнулась Ольга, – основатель саентологии. Артем одно время увлекался его учением.

– Вы давно знаете Грушина? – Я решила воспользоваться временной «оттепелью».

– Около года, вернее, я и раньше его знала, но чисто визуально, а год, как мы с ним сошлись.

– Вы жили у него?

– Нет, он приезжал несколько раз в неделю, у нас были свободные отношения.

– Вас это устраивало?

– Вполне. – Она закинула ногу на ногу и поправила полу халата.

– Вы часто виделись с Сергеем после развода?

– Первое время он навещался регулярно, но когда понял, что поезд, как говорится, ушел, немного остыл.

– А кто был инициатором развода?

– Подавал на развод он – хотел припугнуть меня, но, когда я согласилась, пошел на попятную, но было уже поздно: он мне надоел.

– А какие отношения были у него с Грушиным? Я что-то не припомню, чтобы они особо конфликтовали в школе.

– Ну вы скажете тоже – в школе! – усмехнулась она. – Им сколько тогда лет-то было?! Какие у них могли быть конфликты?

– Хорошо. А о каких недавних конфликтах вы знаете? – невозмутимо спросила я.

– Знаю только, что у них были довольно натянутые отношения, которые, сами понимаете, не улучшились, когда Сергей узнал, что мы с Артемом стали встречаться.

– Сергей ревновал вас к Грушину?

– Себя переделать трудно, – философски заметила Купцова, – тем более такому человеку, как Сергей. Ведь не секрет, что шеф Сергея и Грушин были соперниками: оба должны были избираться по одному округу, а Сергей «горел» на работе, я бы сказала, слишком увлекался, принимал интересы Верещагина за свои собственные. Я думаю, вы не живете иллюзиями и знаете, что на избирательную кампанию из федерального бюджета выделяются большие деньги. Все эти народные избранники, став депутатами, пользуются огромными льготами, я уж не говорю о других возможностях. Поэтому-то они и грызут друг другу глотки за каждый голос, покупают избирателей за кур, водку или стиральный порошок. Все идет в ход.

«А ты не так глупа, как я подумала вначале», – отметила я про себя, наблюдая, как Купцова тушит сигарету в пепельнице.

– Что же касается ревности, – продолжила Ольга, – мне кажется, что он всегда будет меня ревновать. А уж будучи подшофе, Сергей с трудом сдерживал свои эмоции.

Я поняла, куда она клонит, и спросила:

– Кто-нибудь, кроме вас, слышал, как Беркутов выяснял отношения с Грушиным?

– Не знаю, может быть, нет. Какое это имеет значение?

– Пока не знаю, но надеюсь это выяснить. Кстати, вы не жили вместе с Грушиным только потому, что хотели сохранить свободу ваших отношений?

Лицо Купцовой снова приняло настороженно-напряженное выражение.

– Не только...

– Почему же еще?

– Разве вы не знаете, что Артем был женат?

– Вы имеете в виду, что он был женат до последнего времени?

Ответом мне был уничтожающий взгляд. Купцова брезгливо передернула плечами и, надменно вскинув подбородок, сказала:

– Он собирался подавать на развод. Единственное, что его останавливало, – предвыборная кампания.

Она снова подошла к бару, видно, мой последний вопрос пришелся ей не по душе.

– Когда Беркутов закричал, где вы находились? – я резко сменила тему.

Ольга снова одним глотком осушила рюмку. Мне показалось, что она пытается собраться с мыслями, прежде чем ответить.

– Точно не помню, кажется, в раздевалке. Я уже столько выпила к тому времени.

– И вы не помните даже, с какой стороны подошли к бассейну?

Я сунула в уголок рта сигарету и прикурила, краем глаза наблюдая за Купцовой. Она все еще держала пустую рюмку в слегка подрагивающей руке.

– Ну... наверное, оттуда и подошла. Да какая вам разница?

Я проигнорировала ее восклицание.

– Вы хотя бы помните, кто был рядом с телом Грушина, когда вы появились?

– Может быть, не всех...

– И все же.

– Ну... Ступин, Абрамов... Ерикова, кажется... Шубин и Беркутов, конечно.

– Кто подошел после?

– Самым последним подошел Верещагин, значит, Лужина и Говоркова – перед ним, не помню в какой последовательности, мне было не до того.

Неплохая память для человека, которому было «не до того». То же самое говорила Ерикова.

– Тогда у меня больше вопросов нет, – успокоила я Купцову. – Если хотите, могу поставить вас в известность, когда что-то прояснится.

– Вы думаете, что это не Беркутов?

– Не хочу вас разочаровывать, но скорее всего – нет. – Я затушила недокуренную сигарету и вышла в прихожую.

– Кто же тогда? – спросила она, когда я уже надевала «харлейку».

– Алиби нет ни у кого, – спокойно ответила я, – значит, это мог сделать...

– Любой из нас, вы хотите сказать? – закончила она за меня.

– Вот именно, – я закрыла за собой дверь.

Глава 3

Когда я вышла от Купцовой, сквозь разрывы серых облаков продирались робкие солнечные лучи. Со двора пришлось выезжать задним ходом, потому что развернуться было негде. Я неторопливо доехала до кафе-подвальчика, в котором готовили сочных цыплят на вертеле. Гриль был моей давней слабостью, к тому же мой многострадальный желудок уже давно и настоятельно требовал пищи.

Основательно заправившись и стерев с губ томатно-чесночный соус, я продолжила путь. Теперь он лежал к грушинскому офису, чей адрес напомнил мне о некоторых моих предыдущих расследованиях. Дело в том, что офис Артема находился в том же четырнадцатизэтажном здании, где располагались конторы некоторых моих бывших клиентов.

Я приткнула машину на обочине и, миновав проходную, поднялась на лифте на пятый этаж. В коридоре было пустынно, пахло сухой бетонной пылью и провинциальной тоской, хотя за многочисленными дверьми, как нетрудно было предположить, жизнь кипела. Офис Грушина находился в конце коридора. Входная дверь была приоткрыта. Я потянула за бронзовую ручку и очутилась в довольно просторной комнате. За столом, опустив глаза на лежащие перед ней бумаги, сидела миловидная девушка в светло-сером костюме. Густые русые волосы волнистыми прядями падали ей на плечи, почти закрывая лацканы пиджака. Когда я вошла, она подслеповатым взглядом уставилась на меня из-под очков в металлической оправе.

– Добрый день, – вежливо поздоровалась я, – я бы хотела поговорить с заместителем господина Грушина.

– С Яковом Григорьевичем? – спросила девушка, глядя на меня с легким недоумением.

– Да, наверное. Видите ли, я была знакома с Артемом Александровичем...

Она понимающе посмотрела на меня.

– Какое несчастье... – печально проговорила она, качая головой.

– Так могу я увидеть Якова Григорьевича? – сухо спросила я.

Мой вопрос вывел ее из состояния рассеянной грусти.

– Яков Григорьевич сейчас в бухгалтерии, я позвоню.

Она пробежалась тонкими пальцами по кнопкам телефона.

– Свет, пригласи-ка Якова Григорьевича. – И через секунду с мягким подобострастием: – Яков Григорьевич, тут к вам...

– Иванова Татьяна Александровна, – поспешно представилась я. – Скажите, что я знакомая Грушина и пришла поговорить с ним об Артеме Александровиче.

Передав информацию и выслушав ответ, она сказала мне:

– Яков Григорьевич просил вас подождать, он освободится через пять минут и примет вас. – Она указала мне на стул: – Присядьте.

Я села на кожаное сиденье, на котором сменяющие друг друга в неустанном труде ягодицы предыдущих посетителей оставили широкую полукруглую вмятину. Прошло по крайней мере минут десять-двенадцать, прежде чем Яков Григорьевич принял меня в кабинете Грушина.

– Знаю, знаю, – сказал он, торопливо поздоровавшись и испытующе пройдясь по мне маленькими колючими глазками. – Горе-то какое!

Глядя на Якова Григорьевича, я почему-то с трудом могла поверить, что смерть Грушина была для него действительно тяжким потрясением. Может, он имел в виду жену Артема, а может, просто поспешил представить свидетельство своей глубокой человеческой состраданности. Маленького роста, худощавый, экспансивно-юркий Яков Григорьевич, казалось, с трудом мог усидеть на месте. Он без конца и без всякой надобности поправлял очки с тол-

стыми стеклами, барабанил пальцами по столу и суетливо вертел головой в мелких черных кудряшках.

– Я не просто знакомая Артема, – сказала я, – я – частный детектив, расследую обстоятельства его гибели, и поэтому мне нужна информация.

– Понимаю, – Яков Григорьевич внимательно посмотрел на меня, – что вас интересует?

– Чем занималась ваша фирма в последнее время: договора, поставки, разного рода сделки... Я понимаю: коммерческая тайна и все прочее... Но когда речь идет о гибели человека, все должно отступить на второй план.

Взгляд расторопного зама Грушина представлял собой парадоксальную смесь доброжелательности и подозрительности.

– Так-то оно так, – недоверчиво посмотрел на меня Яков Григорьевич, – дело серьезное... Если вы ищете какой-то криминал, то зря теряете время, – насторожился он, – все операции были законны, с поставщиками мы расплачивались вовремя, ни у кого никаких претензий к нам не было, договора оформлены по всем правилам, заверены печатями и подписями, из-под полы мы не торгуем, налогов не укрываем...

Последнюю реплику он произнес почти обиженно, точно я задела его профессиональную честь. Придите в любую фирму, и везде вам скажут, что все в порядке, налоги уплачены, договора составлены по всей форме. А копнуть поглубже...

– Яков Григорьевич, я хочу только выяснить, не было ли у Артема каких-либо неприятностей по работе. Как вы уже поняли, я не занимаюсь коммерческой деятельностью и не торгую информацией.

– Конечно, конечно.

– В таком случае, не могли бы вы мне показать договора за последние два месяца?

– Это было бы крайне нежелательно, – уклончиво сказал он, и я поняла, что никаких договоров не увижу.

Я решила подобраться к нему с другой стороны.

– Яков Григорьевич, мне известно, что продовольственная база «Самобранка», где директор – некий Анатолий Абрамов, получила от вас не так давно двадцать тонн сахара. Что вы можете сказать по этому поводу?

Могла бы поспорить на свою суточную зарплату, что поставила Якова Григорьевича в затруднительное положение. С одной стороны, он не собирался мне ничего говорить, но с другой – припертый моим вопросом, вынужден был как-то отреагировать.

– Вы правы, – после продолжительной паузы произнес он, – действительно мы передали им на реализацию сахар.

– Не могли бы вы сообщить мне условия этой сделки?

– Я точно не припомню...

– В самых общих чертах, пожалуйста. Когда это произошло?

– В начале февраля. – Он сделал вид, что мучительно напрягает свою память, хотя я была уверена, что зам Грушина прекрасно помнит эту дату.

– Хорошо, – похвалила я его, как ребенка, правильно ответившего на вопрос, вот только конфетки у меня не было. – И когда «Самобранка» должна была с вами рассчитаться?

– Мне нужно это уточнить, но сегодня суббота, и бухгалтерия не работает, если бы вы зашли в понедельник или во вторник...

Не хотелось его расстраивать, но другого выхода у меня не оставалось.

– Может быть, пока мы разговариваем, кто-то уже подошел в бухгалтерию? Вы могли бы позвонить.

– Я попробую, – он потянулся было к телефону, но на полпути рука его повисла в воздухе. – Кажется, я вспомнил, «Самобранка» до сих пор не рассчиталась за товар.

– У вас, конечно, есть накладные, по которым передавался товар.

– Как вам сказать... – замялся он.

– Значит, накладных нет, – подытожила я. – Влипли вы в таком случае, Яков Григорьевич. Он только вздохнул, нервно барабанил пальцами по крышке стола.

– Ладно, не мое это дело – неучтенный сахар, я только хотела спросить: Грушин пытался получить за него деньги с Абрамова?

– А вы как думаете?

– Грушин ему угрожал?

– Вот этого я не знаю, мое дело – подготовить и экономически обосновать выгодную сделку, а в этот раз Артем все делал на свой страх и риск. И потом, мы давние партнеры с «Самобранкой», скорее всего, если бы Артем был жив, Абрамов с ним бы рассчитался. Теперь не знаю, как все обернется, – Яков Григорьевич пожал плечами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.